

ВЛАДИМИР КОЛЫЧЕВ

ОСТРОВ
УБИЙЦ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 **Остров убийц / Владимир Колычев. — Москва :**
Эксмо, 2026. — 288 с.— (Колычев. Лучшая крими-
нальная драма).

ISBN 978-5-04-236251-4

Матвей Гусельников любил земные радости, особенно — красивых женщин. Но этот случай оказался для него роковым. Развлекаясь в бане с очередной подружкой, он получил укол в шею и потерял сознание. А когда пришел в себя, то увидел, что партнерша мертва, а рядом стоят лейтенант полиции и муж жертвы. Подозрение в убийстве падает на Матвея. Ему чудом удается сбежать и укрыться на острове, где, как ему казалось, будет безопасно. Однако не прошло и нескольких дней, как несчастный любовник попал в кровавую передраку, по сравнению с которой происшествие в бане и обвинение в убийстве выглядели безобидным недоразумением...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-236251-4

© Колычев В.Г., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Глава 1

Кто-то топит баньку по-черному, кто-то по-белому, а Матвею нравилось по-холодному. На дворе дождливая июньская ночь, печь не топилась, камни в ней не грелись, но им с Кристиной все равно жарко. Доски приступка сходились под прямым углом, левым коленом она стояла на прилежащем катете, правым — на противолежащем, руки вытянуты, голова лежит на предплечьях, груди бултыхаются в пустоте, трутся о доски подступенков. Матвей находился сзади, с высоты положения любуясь красивой женской спиной, длиннейшие мышцы спины перекачивались под тонкой нежной кожей в такт движениям. Первый раз они с Кристиной попробовали на Лисьем острове, в деревенской баньке у самой воды. Она гуляла без мужа, он — без жены, а тянуло их друг к другу давно. На острове и притянуло. Теперь вот в подмосковной деревне оторваться друг от друга не могут. Там, в Лиске, они в одном доме гостили, а здесь, в Карусеевке, живут по соседству. Муж у Кристины в командировке, жена у Матвея на дежурстве, с одного участка

на другой попасть не проблема, а банька у Черкасовых знатная, даже маленький бассейн есть. Сегодня топились по-холодному, но Матвею жарко, и Кристина точно не мерзнет.

— А мужу изменять не стыдно? — засмеялся он.

Она закрутила головой. Не стыдно!

— А нельзя мужу изменять! Дездемона!

Он заставил ее оторваться от верхнего полока, прижал к себе спиной, левой рукой мягко обжал шею сзади, правую ладонь приложил к гортани. Не собирался он душить Кристину, это всего лишь игра, она правильно все поняла, хихикнула, вырываться не стала. А он, возбужденный этой ее покорностью, снова поддал жару. Да так разошелся, что не захотел останавливаться в точке невозврата. Наконец с шумом выдохнул... Остановилось все. Остановился он сам, остановилось сердце, остановилась жизнь. Было все, и вдруг ничего не стало.

...Жизнь вернулась вместе с солнечным светом. Окошко в сауне небольшое, стекло матовое, но в парной светло. Кристина так и стояла на коленях, вернее, сидела, набросив руки на верхний полоч. Голова опущена, длинные волосы свисают до приступка. То ли синяки на ягодицах, то ли трупные пятна. Какой-то странный цвет для синяков. Тело безжизненное, застывшее в состоянии мертвого равновесия, тронешь, толкнешь — свалится и больше не поднимается. На липовом трапике Матвей заметил отпечатки чьих-то грязных ног. Кто-то заходил в сауну в грязной обуви.

Матвей с трудом поднялся, его шатнуло, как будто с сильного похмелья. Голова тяжелая, веки свинцовые,

и спать хочется, и задницу где-нибудь примостить. Но надо держаться на ногах и разбираться с ситуацией. Видно же, что Кристина не живая. Матвей прикоснулся к спине, действительно холодная. Они закрылись в бане часов в одиннадцать, а уже как минимум утро. В момент наивысшего восторга он почему-то выключился, похоже, вместе с Кристиной, но к нему жизнь вернулась, а к ней нет. Холодная она, возможно, даже зачочневшая. Трупные пятна на спине, на ягодицах, и на шее страшные фиолетовые синяки. Кто-то подходил к ней в грязной обуви, кто-то задушил и ушел. Матвей босиком, его обувь в прихожей. И брюки там, одна только рубашка на нем.

Открылась дальняя дверь, в баню кто-то вошел, за ним другой.

— Здесь вот, заходите!

Дверь в моечную открылась, сначала появился полицейский в форме и с автоматом, а за ним уже муж Кристины. Черкасову тридцать девять, моложавый, свежий, спортивный, походка пружинистая. Взгляд ироничный, глаза и сейчас смело смотрели в будущее. Жены нет, но ему и без нее будет хорошо. Кристина подозревала, что у него есть любовница, может, потому так легко уступила Матвею, сама к нему притянулась.

— А-а! Уже очнулся!

Женя всего лишь изображал злость и возмущение, на самом деле он как будто даже радовался, что жены больше нет. Баба с возу, как говорится... Видел бы впереди идущий сотрудник его глаза. Но молодой губа-

стенский лейтенант смотрел только на Матвея, вынимая из чехла наручники.

— Лейтенант Жданов! — начал он.

— Я ничего не делал! — перебил его Матвей.

— Разберемся!

— А кто вам сказал, что Кристина мертва? Этот?! — Матвей кивком указал на Женю.

И на туфли его глянул. Дом у них хороший, к бане вела бетонированная дорожка, но ее недавно перерыли, траншеею закопали, но даже гравием не засыпали. А на улице дождь, грязь развезло, Кристина просила не обижаться, что пришла на свидание в калошах. И у Женю туфли грязные.

— Вы гляньте, у тела его следы!

Черкасов иронично шурился, глядя на Матвея, не просил, не требовал, просто рекомендовал признать свое поражение. А лейтенант смотрел на подозреваемого сурово, он требовал сдаться на милость победителя. Взял Матвея за руку, задрал рукав — щелк! — и один браслет плотно сжал его запястье.

Левую руку Матвей спрятал за спину, Жданов стал разворачивать его к себе спиной.

— Да глянь ты, это не мои следы!

— Сейчас глянем!

Лейтенант развернул Матвея, схватил за левую руку, но при этом потерял контроль над правой, а на помощь ему никто не спешил. Еще и автомат с плеча сполз, повис на сгибе локтя.

— Стой смирно! Или мордой в пол! — пригрозила он.

— Вот ты тупой!

— Что?! — взвыл сотрудник.

Укладывать Матвея на живот он не стал — и без этого смог сомкнуть за спиной обе руки. Но второй браслет почему-то не надевался — заблокировано кольцо. Лейтенант занервничал, стал искать ключ, в один карман полез, в другой, нет ничего.

— Ты не просто тупой! — зло засмеялся Матвей.

— Пойдем!

Лейтенант потащил Матвея за собой. Вцепился пальцами в нераскрывающийся браслет и с силой потянул, пришлось идти.

— Куда ты меня тащишь? — глянув на Черкасова, спросил Матвей. — Убийца все следы уничтожит!

— Не уничтожит!

И лейтенант глянул на Черкасова, нервно поморщился, осознавая правоту Матвея. Нельзя оставлять место преступления без присмотра.

— А почему ты один? А где твой напарник? Инструкцию нарушаете? А я расскажу твоему начальству! Еще и наклейку для вашего экипажа закажу: «Тупой и еще тупее»!

— Заткнись! — вышел из себя Жданов.

Но тем не менее остановился, в замешательстве глянув на Черкасова, потребовал:

— Гражданин, прошу покинуть помещение!

— Гражданин Черкасов! — подхватил Матвей. — Муж моей покойной любовницы! Не простил жене измены!.. Что ты мне вколол, Женя?.. А ведь ты мне что-то вколол!

Матвей смеялся, хотя хотелось плакать навзрыд. И Кристину до слез жалко, и самому хвост прищемили. Его вырубили на пике наслаждения, он даже не почувствовал, как в тело вошла тонкая игла. Бывает же снотворное мгновенного действия. Именно так его и усыпили. А Кристину задушили. И сделать это мог только один человек.

— Глупости не говори!

Женя вышел из бани, похлопал себя по карманам, про сигареты вспомнил, а о том, что бросил курить, забыл.

— Эй, а куда ты меня тащишь?! — Матвей вцепился в ручку выходной двери. — Одеться дай, лейтенант! Обуться! Куда я босиком в грязь? Холодно, вдруг простужусь? Тебе потом по шапке дадут! За безобразную организацию... Как у вас это безобразие называется!

— Одевайся! — вздохнул полицейский.

Матвей глянул на него, на свои джинсы, брошенные на скамейку в предбаннике, — идти нужно, лейтенанта за собой тащить, чтобы дотянуться до них. А как надевать их, когда за руку держат? А как обуваться? Но все это пустяки по сравнению с обвинением в убийстве. Матвея уже сейчас собираются доставить в участок, там им займется следователь. И ничего хорошего это не сулит. Любовью с Кристиной занимался? Занимался. перевозбудиться до помутнения рассудка мог? Мог. Тронулся умом, задушил Кристину и отключился от переизбытка чувств. Он так до сих пор и не понял, куда ему вкололи снотворное. И следователь не будет искать след от укола. И следы снотворного в крови

тоже. Найдут только следы мужского проникновения в женский организм. Найдут только то, что нужно следствию. Посадят Матвея, как пить дать посадят. Лет на двадцать. А может, и на пожизненное. Вдруг он маньяк, и его нельзя держать на свободе.

— Лейтенант, а ведь меня правда усыпили, — в раздумье проговорил Матвей, дотянувшись-таки до джинсов.

— Давай не отвлекайся!

— Может, и Кристину тоже? Может, спит она?

— Холодная Кристина! — покачал головой Женья.

Все-таки нашел он где-то сигарету, закурил, так приятно запахло дымом. Матвей тоже в завязке, уже четыре года как держится, не курит, а сейчас вдруг захотелось, спасу нет. А почему бы не закурить? Не тот сейчас этап жизни, чтобы заботиться о здоровье. На ближайшую перспективу ожидается просто этап. На зону.

— А если она просто замерзла? Я вот тоже замерз, проснулся — зуб на зуб не попадает.

— А правда, может, жива! — задумался Жданов.

Он потянул Матвея обратно, но тот вцепился в дверной косяк.

— Одеться дай!

— Одевайся! Я сейчас!

Жданов отпустил Матвея, исчез в трапезной, оттуда переместился в моечную. Черкасов за ним. Матвей надел джинсы, обулся вообще без проблем, туфли старые, разношенные, сунул ноги, никакая ложка не нужна. Обулся, схватил шерстяную кофту, выглянул из бани. Не видно никого. Станный какой-то наряд полиции,

один только патрульный, больше никого. Может, в машине находится кто-то настолько крутой, что имел право не покидать ее что бы ни случилось? В любом случае нужно делать ноги, пока есть возможность.

В кармане кофты только ключи от дома: документы, деньги, машина — все там. Машина, правда, не очень, старенький «Фокус», на новеньком «китайце» уехала жена. Гараж одноместный, «Фокус» во дворе под навесом, сел и поехал. Ворота открываются автоматически, сейчас главное — добраться до ключей, в сумке они, а она висит в прихожей. В принципе, у Матвея имелись все шансы опередить незадачливого лейтенанта.

Лаз в заборе находился за баней, если Черкасов не знал о нем, шансы на спасение увеличивались. Матвей свернул за баню, отжал открепленную половину металлического листа, просунулся на свою территорию. И бегом к дому.

— Гусельников, ты где? — донесся из-за забора голос.

— Стрелять буду! — взвизгнул лейтенант.

И ведь на самом деле выстрелил, скорее всего, в воздух. Но выстрелил в районе бани в то время, как Матвей уже подбегал к дому. А там два входа — с парадной стороны и тыльной, — и в одном случае нужно свернуть вправо, и в другом. Матвей резко сбавил ход, чтобы вписаться в поворот, его немного занесло, но на крыльцо он заскочил, правда, из туфли выскочила пятка.

В дом он заходил, удерживая туфлю на носке, прошел через бойлерную, кухню, вышел в холл, оттуда

в прихожую. Схватил сумку с ключами и документами, дверь открывалась просто, нужно лишь на ручку вниз надавить. Машина перед воротами, Матвей нажал на кнопку брелока, пикнула сигнализация.

— Что это? — спросил за забором лейтенант.

Черкасов ему ответил, но не так громко, Матвей не разобрал слов. Но и без этого ясно, что полиция близко, сейчас лейтенант выскочит на улицу и откроет огонь по отъезжающей машине. Если автомат не заклинит, как это произошло с наручниками.

Пульт от ворот находился в машине, Матвей даже не стал садиться, просто поставил колено на сиденье, схватил брелок, нажал на кнопку. Ворота дернулись, полотно медленно поползло в сторону, пока откроются, пройдет время. Как раз хватит, чтобы сесть в автомобиль, завести двигатель, включить скорость. Матвей сдал назад, сбросил правую ногу на землю, оттолкнулся и уже основательно сел за руль. Но туфля осталась где-то за бортом. Закрывая дверь, он глянул вниз, но туфля, видимо, залетела под машину, некогда ее доставать. Тем более что в багажнике у него коробка, там и огнетушитель, и аптечка, и спецовка есть, на всякий случай держал, к ней старые кроссовки, выбрасывать было жалко.

Ворота еще не совсем открылись, а Матвей уже сорвал машину с места, продрался сквозь тесноту открывшегося проезда, едва не лишившись бокового зеркала. На улице стояла патрульная машина, только сейчас Матвей осознал, что идет мелкий дождь, когда бежал, не замечал, настолько думал о другом. А вот си-

девшим в уазике сотрудникам дождь очень даже мешал, не хотели они выходить из машины. Даже выстрел из автомата не встревожил их. Сидят, рука с сигаретой одного из полицейских из окошка торчит. Дедовщина какая-то.

Из калитки с автоматом наперевес выскочил лейтенант, стрелять он не стал, рванул к своей машине. Но Матвей уже вырулил на дорогу, деревня у них небольшая, четыре линейные улицы, проулки между ними. Матвей свернул в один, затем в другой, глянул в зеркало заднего вида: уазика не видно. Да и сирена не воеет. Похоже, подчиненные послали незадачливого лейтенанта в пешее путешествие. Хорошо, если так. Хорошо, если в полиции все так плохо, как пишут на заборах в интернете.

Машина у Матвея старая, двадцатилетний юбилей на носу, сигнализация самая примитивная, спутниковые трекеры и прочие передатчики отсутствуют, так что выковыривать из дверей ничего не надо. И телефона нет, дома остался, с одной стороны, ему нужно срочно позвонить, но с другой, его теперь не отследить через сотовую связь. В машине только навесной навигатор, видеорегистратор и автомагнитола с обычным дисплеем, опасности эта техника точно не представляет. Матвей еще точно не знал, сможет ли он уйти от погони, но уже думал о будущем. Об относительно свободном будущем, когда одна нога в тюрьме, а другая на воле.

Из деревни в лес вел хорошо укатанный грунтовый проселок, грязь поверхностная, колеса слегка скользи-

ли, но не проваливались. Хорошо машина шла, бодро. На газ, правда, приходилось давить босой ногой, но лучше так, чем ехать в зарешеченном отсеке полицейского уазика.

Матвей думал о погоне, а машина все дальше уходила в лес. Все правильно: чем дальше — тем лучше, но в лесу нет банкоматов, а ему срочно нужна наличность. Нужно успеть снять с карты деньги, пока ее не заблокировали.

Разворачиваться он не стал, на развилке ушел влево, выехал к шоссе, дальше поселок, на часах всего пятнадцать минут восьмого, но разве отделение банка не должно выдавать наличность круглосуточно? К счастью, на свой вопрос Матвей получил положительный ответ. Официально рабочий день еще не начался, но предбанник отделения открыт, женщина какая-то стеклянную дверь открывает.

Матвей открыл багажник, полез в коробку, но нашел там только робу, а где кроссовки? Лариса в его машине свои порядки не устанавливала, значит, сам куда-то их дел. Да забыл... Матвей задумался. Может, на самом деле забыл? Выбросил кроссовки, а когда, где — забыл. Что это, ранняя деменция или что-то страшней? Провалы в памяти, например, осложненные произвольными действиями агрессивного характера. Матвей, конечно, не врач, но Лариса иной раз как задвинет... А сейчас она могла сказать, что это он задушил Кристину. Бессознательно задушил, потому что маньяк, убийца по своей природе.

Один банкомат светился в режиме ожидания, за другим хозяйничала женщина лет сорока в полупрозрачной косынке поверх бигуди. Одета кое-как, дешевый плащик поверх домашнего халата, на ногах широконосые туфли с пряжками, в которых щеголяли модники времен царя Гороха, но на Матвея женщина глянула как на бомжа, по сравнению с которым она выглядела как королева. Увидела босую ногу, могла бы сделать лицо попроще.

Матвей вошел в функционал банкомата, вставил карту в прорезь и мысленно перекрестился, услышав знакомый звук. Если в банкомате прибывало, то со счета убывало. Но сейчас счет могли заблокировать, поэтому урчание, с которым отработал механизм подачи денег, могло вызвать только восторг. Матвей не стал пересчитывать деньги, если там не сто, а девяносто пять тысяч, спорить с банком он все равно не станет. Снова вставил карту, в железном брюхе снова заурчало. А женщина с бигуди стоит, смотрит на него с открытым ртом. Откуда у бомжа столько денег?

А Матвей, как назло ей, вставил карту в третий раз. Только тогда женщина заметила браслет наручников на запястье. Второй браслет под рукавом кофты, его не видно, а первый блеснул в отраженном свете. Говорить она ничего не стала, но губы сложила так, как будто вставила в них полицейский свисток. А из предбанника вышла, собираясь во всю мощь своего горла крикнуть: «Караул!»

Увы, но в третий раз банкомат мог выдать всего десять тысяч. Больше на расходном счете у Матвея ничего не осталось. И у Ларисы тоже. Но она-то с накопительного счета может снять. Денег там еще не очень много, но черный день уже настал. Прежде всего для Матвея... Долбаный Черкасов! Это же он убил Кристину!

Черкасов не строил дом, он купил готовый, въехал пару лет назад, Матвей с Ларисой к этому времени уже успели обжиться. И с соседями они познакомились на правах старожилов. Черкасов работал в крупном банке, возглавлял кредитный отдел, чем он там приманивал деньги, Матвей не знал, но за последние годы хорошо поднялся, и в Подмоскovie дом купил, и на Онежском острове усадьбой обзавелся. Прошлым летом пригласил в гости, две недели на озере отдыхали, Матвею понравилось, особенно с Кристиной в баньке по-холодному. Там, в Лиске, это у них случилось впервые, здесь всего лишь продолжилось. Пока Женя не узнал. Пока не наказал жену и любовника. Одним ударом отомстил за себя: Кристину на тот свет отправил, а Матвея — в такой же потусторонний мир. А тюрьма — это не жизнь, лучше где-нибудь в глуши от голода и холода сдохнуть, чем за решеткой париться.

Женщина выскочила на дорогу, замахала руками как сумасшедшая. Матвей не стал снимать последнюю десятку, нажал на отмену, вытащил карту и бегом из отделения. А по дороге в это время проезжал патрульный автомобиль дорожно-постовой службы, глядя на сумасшедшую, гаишники останавливаться не стали. Но,